

М. Н. Сперанскій.

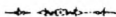
XXIV

г. 1905

ПАМЯТИ

4601. В. В. Качановскаго.

Проф. Историко-филологическаго Института кн. Безбо-
родко въ Нѣжинѣ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Типо-Литографія М. В. Глзера.
1901.

М. Н. Сперанскій.

X XIV

с. 1205

ПАМЯТИ

Библиотека
РОС. АКАДЕМ. НАУК
Славянское отделение

1094
12/4
В. В. Качановскаго.

Проф. Историко-филологическаго Института кн. Безбо-
родко въ Нѣжинѣ.

Н Ъ Ж И Н Ъ
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1901.

EB_1901_SLAVFOND_SF00001190

Печатается по постановлению Конференции Историко-Филологического
Института кн. Везбородко.

Директоръ Ф. Гельбе.

11-го апрѣля 1901 г. въ Нѣжинѣ скончался послѣ продолжительной болѣзни ординарный профессоръ Института *Владиміръ Васильевичъ Качановскій*, занимавшій въ теченіи двѣнадцати слишкомъ лѣтъ (съ 1-го сентября 1888 г.) въ Институтѣ кафедрѣ церковно-славянскаго языка, исторіи русскаго языка и славянскихъ нарѣчій. Не приводя біографическихъ данныхъ о покойномъ, такъ какъ еще за годъ до смерти онъ самъ сообщилъ ихъ въ печати¹⁾, а также не перечисляя многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ умершаго слависта, какъ отмѣченныхъ подробно имъ же самимъ въ той же автобіографіи, мы считаемъ себя обязанными упомянуть В. В. Качановскаго, только какъ ученаго и профессора-преподавателя, дать посильную оцѣнку этой дѣятельности, насколько такая оцѣнка возможна въ настоящее время²⁾. Еще воспитаникомъ Варшавскаго университета началъ онъ свою ученую дѣятельность, получивъ золотую медаль, еще студентомъ 3-го курса, за сочиненіе по сербской исторіи (1875); эта же сербская исторія заключила и его двадцатипятилѣтнюю ученую дѣятельность: «Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV вѣка» (1899) была послѣдней крупной по объему его научной работой, долженствовавшей стать его докторской диссертацией, до защиты которой дожить ему не довелось. Двадцатипятилѣтній періодъ жизни покойнаго ученаго полонъ былъ дѣятельностью: въ этомъ убѣждаютъ уже тѣ двѣсти слишкомъ статей, большихъ и маленькихъ, которыя

1) Ист.-Фил. Инст. кн. Безбородко. 1875—1900 (Нѣжинъ 1900), стр. 31—38.

2) Ср. краткую замѣтку проф. М. Н. Бережкова по поводу кончины В. В. Качановскаго («Кіевлянинъ», 1901 г., № 106).

составляютъ списокъ его ученыхъ трудовъ. Списокъ этотъ въ тоже время говоритъ не только о плодovitости автора, но также и о разнообразіи этой дѣятельности: въ этомъ перечнѣ мы найдемъ труды по всѣмъ областямъ изученія славянства: не только по исторіи, но и по языкамъ, не только по литературѣ, но и древностямъ, археологіи; въ этомъ же списокѣ мы встрѣтимъ яркіе слѣды интереса покойнаго профессора не къ одной либо какой излюбленной славянской народности: здѣсь есть труды и замѣтки и по церковно-славянской старинѣ и по языкамъ, литературѣ и исторіи любой славянской народности. Все это должно говорить несомнѣнно о разносторонности не только интересовъ, но и познаній В. В. Качановскаго. Присматриваясь же ближе къ этому длинному ряду статей, мы можемъ уловить и нѣкоторую внѣшнюю и отчасти внутреннюю связь въ этой пестрой вереницѣ заглавій: большинство работъ небольшого объема, которыми наполненъ списокъ, стоитъ въ связи съ дѣятельностью покойнаго въ качествѣ ученаго критика, считавшаго своимъ долгомъ отзываться печатно на всякое явленіе въ жизни славянства, стоящее, по его мнѣнію, вниманія; съ внѣшней стороны эта дѣятельность объединялась тѣми изданіями, въ которыхъ трудился скончавшійся; такими изданіями были преимущественно: «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», гдѣ съ 1877 года и почти до кончины печаталъ В. В.—чь, «Критическое Обзорѣніе», гдѣ въ 1879 г. помѣщалъ онъ свои статьи, и особенно «Вѣстникъ Славянства», журналъ имъ самимъ основанный и издававшійся (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ ниже), наконецъ «Историческій Вѣстникъ», гдѣ началъ сотрудничать онъ не задолго до смерти. Это уже чисто внѣшнее обстоятельство, взятое вмѣстѣ съ несомнѣнной склонностью къ критикѣ, дѣлаетъ для насъ вполне возможнымъ и правильнымъ раздѣленіе ученыхъ трудовъ покойнаго проф. Качановскаго на двѣ группы: рецензіи, критическія статьи преобладающія въ списокѣ трудовъ В. В.—ча, и работы «положительнаго» (если такъ можно выразиться условно) характера, т. е. такія, гдѣ надъ критикой чужаго труда беретъ перевѣсъ разработка самостоятельно поднятыхъ и самостоятельно же разрѣшаемыхъ вопросовъ, разработка, введеніе въ общій оборотъ новыхъ идей, новыхъ матеріаловъ. Чтобы долго не останавливаться на первой группѣ работъ В. В.—ча, коснемся ихъ слегка: мы будемъ правы, поступая такимъ образомъ, потому что извѣстна

сравнительная цѣнность въ научной литературѣ работъ того и другого характера, извѣстно значеніе тѣхъ и другихъ для оцѣнки научной дѣятельности человѣка. Это будетъ въ особенности справедливо по отношенію къ Качановскому: большинство его рецензій, помѣщавшихся въ указанныхъ журналахъ, содержитъ по преимуществу изложеніе содержанія тѣхъ или другихъ выдающихся работъ, преимущественно вышедшихъ на инопоземныхъ, въ томъ числѣ славянскихъ языкахъ; это изложеніе то здѣсь, то тамъ сопровождается замѣтки критическаго характера, вносящія либо поправки, либо, рѣже, дополняющія сказанное, либо, чаще всего, отвергающія высказанное въ излагаемой работѣ. (ср. въ перечнѣ номера: 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, и т. д.). Въ этомъ значеніе и заслуга этой стороны дѣятельности покойнаго Качановскаго: какъ обладавшій разнообразными интересами, широко понимавшій задачи изученія славянства, онъ знакомилъ насъ съ цѣлымъ рядомъ трудовъ иногда объективно, иногда присоединяя свою окраску, освѣщеніе. Еще нагляднѣе эта сторона дѣятельности покойнаго стала для насъ, когда началъ онъ издавать свой «Вѣстникъ Славянства» (съ 1888 года): всѣ вышедшія 11 книжекъ этого небольшого изданія, можно сказать, проникнуты этимъ направленіемъ, если не считать сравнительно немногихъ работъ и замѣтокъ такъ называемаго «положительнаго» характера. Оно и понятно: журналъ этотъ въ силу услвій (которыхъ касаться здѣсь не мѣсто) для издателя и редактора сталъ средствомъ для того, чтобы дѣлиться съ своими немногочисленными читателями тѣми мелкими наблюденіями, которыя чуть не на каждомъ шагѣ являются у человѣка, занимающагося въ мало еще извѣданной области славистики, особенно если этотъ ученый отличается той широтой пониманія своихъ задачъ, какую мы отмѣтили; поэтому въ «Вѣстникѣ Славянства» мы встрѣтимъ рецензіи и справки и по исторіи инославянской, и русской, и по языкамъ славянскимъ и по литературѣ, и по современности (ср. № 160, 159, 168, 172, 177, 188, 206 и 7. д.).

Но эта черта ученой дѣятельности Качановскаго, невольно заставляя его разбрасываться въ своихъ работахъ, отнимая много времени и трудовой энергіи, отразилась тяжело на всей его дѣятельности: чѣмъ глубже онъ уходилъ въ свой «Вѣстникъ Славянства», тѣмъ рѣже и рѣже работы его въ другихъ направленіяхъ попадаютъ въ списки его трудовъ, тѣмъ болѣе и болѣе эти работы перестаютъ носить цѣльный

характеръ, приобретаая все чаще и чаще характеръ случайности. А взглянувши въ біографію покойнаго, мы въ этомъ убѣдимся еще болѣе: съ 1883-4 годовъ покойный Влад. В.—чѣ не выѣзжалъ изъ Россіи, дѣля время между Казанью и Нѣжиномъ, городами, которые не могутъ похвалиться обиліемъ свѣжаго матеріала для славянскаго ученаго; съ другой стороны напечатанныя имъ послѣднія работы: о Кормчей, апокрифич. молитвы (№№ 213, 214), сербскія полемическія соч. противъ латинянъ (Изв., т. XVIII),—ясно показываютъ, что авторъ ихъ пользуется неизданнымъ матеріаломъ, собраннымъ на мѣстѣ; иначе сказать: въ своихъ послѣднихъ работахъ «положительнаго» характера онъ долженъ былъ до извѣстной степени основываться на матеріалѣ, собранномъ еще въ первую половину своей дѣятельности, во время своихъ путешествій за границу и по Россіи, но до сихъ поръ не использованномъ ни самимъ собирателемъ, ни другими учеными. Это наблюденіе находитъ себѣ подтвержденіе и при изученіи упомянутой выше «Исторіи Сербіи въ XIV и XV вв.» (Изв. Инст., т. XVII.): она въ значительной своей долѣ представляетъ новую переработку раннихъ работъ автора, когда онъ былъ, такъ сказать, еще у самыхъ источниковъ своего матеріала: въ эту работу вошли цѣликомъ почти: «Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ исторіи южныхъ славянъ» (№ 1; ср. Ист. Серб. гл. I, II.), «Византійскіе лѣтописцы...» (№ 3; ср. тамъ же, гл. VI), «Хорватскія лѣтописи» (№ 21; ср. гл. III); «Къ вопросу о литерат. дѣятельности Евѣимія» (№ 38); и «Новыя данныя для изученія литер. дѣят. Евѣимія» (№ 41; ср. гл. IV) и др. Констатируя такимъ образомъ измѣненіе характера научной дѣятельности проф. Качановскаго въ сторону «рецензій», этимъ самымъ мы обяываемся повнимательнѣе присмотрѣться къ той «положительной» его дѣятельности, которая должна главнымъ образомъ освѣтить намъ его дѣятельность, какъ ученаго, двигавшаго впередъ наше славяновѣдѣніе. Какъ было уже сказано, дѣятельность В. В. Качановскаго въ этомъ направленіи падаетъ на первую половину его ученой жизни. Дѣйствительно, въ это время (1876—1888) созданы и изданы имъ тѣ труды, которые выдвинули его, какъ ученаго, дали ему имя. Для удобства ознакомленія и оцѣнки этихъ трудовъ, удобнѣе всего разсмотрѣть ихъ, распредѣливши сочиненія покойнаго ученаго по тѣмъ славянскимъ національностямъ, коимъ они посвящены. Конечно,

остановимся только на наиболее крупных и характерных из его трудовъ. Начнемъ съ его работъ по болгарской исторіи и литературѣ (спеціальныхъ трудовъ по ц.-славянскому яз. и литературѣ, особенно выдающихся, не находимъ, если не считать изданія нѣсколькихъ текстовъ, восходящихъ отчасти въ своей исторіи къ этой эпохѣ болгарской народности, напр. № 37, 43, 121, и статей «по поводу», о коихъ рѣчь была выше). Этой народности посвящены наиболее выдающіеся и крупные по значенію труды Вл. В—ча: 1) «Nekolika spomenika za srbsku i bugarsku povjest (Starine jugosl. Akad., XII), гдѣ издано впервые нѣсколько важныхъ матеріаловъ для темной исторіи богомилства; 2) «Грамота Константина Асеня Зографскому монастырю» (Вѣст. Слав., III; ср. № 65); 4) «Славянскій списокъ описанія чудесъ Димитрія Солунскаго» (Христ. Чт. 1883, X; ср. № 39); 5) наиболее важны открытія Вл. В—ча въ области матеріаловъ для изученія эпохи патр. болгарскаго Евѳимія: а) «Къ вопросу о литературной дѣят. болгарскаго патр. Евѳимія» (Христ. Чт. 1887, II—III; № 38), б) «Новыя данныя для изученія литературн. дѣятельности патр. Евѳимія» (тамъ же, 1883, III—IV; № 41), в) «Новооткрытыя на Афонѣ труды болгарск. патр. Евѳимія» (Вѣстн. Слав., III—IV, № 65). Грамота Асеня въ изданіи В. В. Качановскаго является въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, нежели до сихъ поръ въ изданіи И. И. Срезневскаго (Свѣд. и зам., LXXXI, 14) и ранѣе Шафарика, 1851 г.); новооткрытыя же труды Евѳимія—изданіе по рукописи XIV в. литургій, молитвъ патріарха—составляютъ приложение къ статьѣ о «Новыхъ данныхъ для изученія дѣят. Евѳимія», «Къ вопросу объ литературной дѣятельности...». Въ этихъ же послѣднихъ статьяхъ изданы съ соотвѣтствующими замѣтками: посланіе Евѳимія къ митр. Анѳиму, посланіе его же къ мниху Кипріану, проложное житіе Іоанна Рыльскаго, составленное Евѳиміемъ на основаніи полного житія—памятники, до тѣхъ поръ не бывшіе извѣстными—и посланіе къ Никодиму, изданное раньше, но крайне неисправно и неумѣло, при томъ по плохому списку. Во второй брошюрѣ по списку Зографскаго мон. имъ впервые частью изданъ, частью описанъ текстъ литургій, писанный и проредактированный тѣмъ же Евѳиміемъ; здѣсь же нѣсколько интересныхъ соображеній о судьбѣ патр. Евѳимія послѣ плѣненія его турками. Труды эти и особенно открытыя новыя матеріалы составляютъ неотъемлемую заслугу покойнаго ученаго.

Той же болгарской литературѣ, но уже иной ея области, именно народной болгарской поэзіи, посвященъ и другой трудъ В. В. Качановскаго; это—«Памятники болгарскаго народнаго творчества» (Вып. I: Сборникъ западно-болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, съ словаремъ. Спб. 1882 г.—изъ XXI тома Сборн. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н.). Чтобы нѣсколько легче представить себѣ это собраніе и оцѣнить точнѣе трудъ собирателя, не лишнее будетъ сравнить, хотя бы по объему, изданное В. В.—чемъ собраніе съ иными того же рода. Болгарская народная поэзія, особенно пѣсни, собранныя прямо изъ устъ народа, долгое время не имѣла своихъ работниковъ, какъ сербская, имѣвшая своего Вука Караджича, или русская, такъ обильно собиравшаяся Гильфердингомъ, Кирѣевскимъ. Рыбниковымъ и др.. Первое, небольшое собраніе (всего на 63 страницахъ) вышло, правда, еще въ 1842 г. (Ив. Богоева); за нимъ слѣдуетъ немного болѣе обширное собраніе Юрія Венелина (изд. Безсоновымъ въ 1855 г.), куда вошло цѣликомъ и собраніе Богоева, а также сербо-болгарскія пѣсни изъ извѣстныхъ «Додатковъ» къ С.-Петербургскимъ сравнительнымъ словарямъ (Вѣна 1822) В. Караджича—собраніе не критичное, далеко не всегда соблюдавшее научныя требованія. (ср. Теодоровъ, Българска литература (Пловд. 1896.), стр. 11); слѣдующимъ сборникомъ, охватившемъ только «женскія пѣсни» являются «Народне песме македонски бугара» С. И. Верковича (Београд., 1860, стр. 373), внушающія достаточно сомнѣній относительно правильности и даже подлинности пѣсенъ, какъ и позднѣйшее издѣліе того же собирателя, извѣстная «Веда словена, български народни пѣсни отъ прѣдисторично прѣдхристианско доба» (Београд 1874 и Спб. 1881,—545 и 583 стр.). Хронологически слѣдовавшимъ и по значенію первымъ научнымъ собраніемъ пѣсенъ, при томъ значительнымъ по объему (542 стр.), являются извѣстныя «Български народни пѣсни», собранныя братьями Миладиновыми (Загребъ 1861). За ними и хронологически, и по объему стоятъ непосредственно пѣсни, собранныя В. В. Качановскимъ; ставшія почти единственнымъ крупнымъ источникомъ для ознакомленія съ народной болгарской поэзіей до 1889 г., когда редакція болгарскаго «Сборника за народни умотворения, наука и книжнина» (Журн. мин. нар. проsv. въ Болгаріи) начинаетъ усиленно собирать пѣсни, отводя имъ значительную часть втораго отдѣла всякаго тома: сборникъ Миладиновыхъ вскорѣ по выходѣ сталъ библиографической

рѣдкостью и только въ 1891 г., будучи перепечатанъ (въ Софіи), является опять общедоступнымъ пособіемъ. Подобно сборнику Миладиновыхъ, и сборникъ Качановскаго впервые даетъ свѣжій матеріалъ, собранный согласно съ научными требованіями. Присоединенный къ тѣснямъ словарь является также одной изъ раннихъ попытокъ сгруппировать словарныя данныя для народной болгарской рѣчи определенной мѣстности¹⁾. Если со стороны точности передачи звуковъ болгарскаго языка сборникъ В. В. Качановскаго теперь является уже устарѣвшимъ (ср. Теодоровъ, ук. соч., 12), то по своему содержанію онъ и до сихъ поръ не утрачиваетъ своего значенія, а въ началѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія не могъ не быть выдающимся явленіемъ и по давню. Дополняя обзоръ трудовъ В. В. Качановскаго по болгарской литературѣ, упомянемъ еще объ одномъ его предпріятіи, оставшемся однако не законченнымъ: въ 1883 г. покойный ученый, по его собственнымъ словамъ (автобіографія, стр. 32), командированъ былъ за границу для собиранія матеріаловъ для словаря болгарскаго языка. Имъ, дѣйствительно, собранъ былъ обширный матеріалъ на карточкахъ, матеріалъ этотъ онъ началъ уже обрабатывать при помощи проф. М. С. Дринова²⁾, но до обнародованія своего труда и до окончанія его даже въ рукописи не довелъ³⁾. Поводомъ къ подобной работѣ, а равно какъ и къ заграничной поѣздкѣ покойнаго, было, несомнѣнно, совершенно ясное сознаніе въ необходимости подобнаго словаря, до тѣхъ поръ отсутствовавшаго въ научной литературѣ⁴⁾. Причину же, почему это трудное, но полезное предпріятіе было оставлено В. В. Качановскимъ, указать трудно. Весьма возможно, что причиной этого было то, что подобный же трудъ, предпринять былъ еще въ 1878 г. другимъ, также

1) Болѣе ранняя попытка, это словоуказатель при изданіи П. Безсонова, указанномъ выше.

2) Последнее извѣстно мнѣ по личному сообщенію самого М. С. Дринова.

3) Въ бумагахъ покойнаго В. В.-ча нашелся цѣлый сундучокъ карточекъ для этого словаря.

4) Ср. предисловіе П. А. Лаврова къ Словарю А. Л. Дювернуа (М. 1889 г.), стр. II—III. См. М. С. Дринова. О болгарскомъ словарѣ Дювернуа (Спб. 1892), стр. 1—9.

теперь также уже покойнымъ, славистомъ профессоромъ Московскаго у-та— А. Л. Дювернуа (†1886), за три года до В. В. Качановскаго также посъ- тившимъ для этихъ же цѣлей Болгарію. Повидимому, В. В. Качановскій ничего не зналъ о предпріятіи А. Л. Дювернуа. Въ 1885-мъ же году вышелъ изъ печати 1-й выпускъ Словаря Дювернуа. Появленіе его не могло не заставить задуматься В. В.—ча о судьбѣ своей работы, которая за два года со времени ея начала, разумѣется, далеко продвинуться не могла даже въ чернѣ; а передъ нимъ было начало труда товарища по наукѣ уже въ печатномъ видѣ. За первымъ выпускомъ Словаря Дювернуа быстро слѣдуютъ остальные, при томъ обрабатываемые не едино- лично, а группой русскихъ ученыхъ и болгарскихъ уроженцевъ (ср. предисловіе П. А. Лаврова, стр. VIII—IX). Силы и лучшія условія ока- зались не на сторонѣ В. В. Качановскаго: онъ и прекратилъ свою работу надъ словаремъ, отвлеченный, вѣроятно, также и новымъ предпріятіемъ иного уже рода, но также требовавшимъ энергіи и времени: съ 1888 г. начи- наетъ выходить «Вѣстникъ Славянства». Обобщая все сказанное о заня- тіяхъ В. В. Качановскаго по болгарской литературѣ и языку, мы, несо- мнѣнно, должны признать, что эти труды, занимая видное мѣсто, пожалуй, самое видное, въ его дѣятельности, въ тоже время вполне даютъ ему право занять не послѣднее мѣсто и въ ряду ученыхъ славистовъ. Это право В. В. Качановскаго становится въ нашихъ глазахъ еще болѣе прочнымъ, если мы взглянемъ на труды его въ области сербской письменности, хотя, кажется, по значенію они не могутъ быть поставлены на равнѣ съ его работами по болгарской литературѣ. Сербская народность интересовала покойнаго главнымъ образомъ, какъ историка. Нѣкоторые изъ его трудовъ по исто- ріи Сербіи были уже упомянуты выше; наиболѣе крупный по объему и значенію, какъ представляющій объединеніе и переработку раннихъ работъ, представляетъ, несомнѣнно, первый томъ «Исторіи Сербіи съ половины XIV до конца XV в.» Трудъ этотъ посвященъ сложному и за- путанному вопросу по исторіи сербскаго царства за самое смутное и неясное для историка время—періоду разложенія стараго сербскаго цар- ства и первыхъ десятилѣтій послѣ покоренія Сербіи турками. Особенно сложнымъ и труднымъ представляется изученіе этого времени главнымъ образомъ потому, что мѣстные источники для него крайне скудны: это большею частью краткія перечневыя лѣтописи, состоящія изъ погодныхъ

отрывочныхъ записей, носящихъ часто случайный характеръ, немногія житія кралей, отчасти замѣнявшія лѣтописи въ нашемъ смыслѣ слова; сюда присоединяются еще болѣе отрывочные матеріалы отъ сосѣднихъ народовъ, касавшихся событій сербскихъ мимоходомъ, б. ч. тогда, когда на это наталкивали самыя событія, путешествія иноземцевъ, проходившихъ по Балканскому полуострову, и т. п. Разобраться въ этомъ матеріалѣ, извлечь изъ него данныя для исторіи Сербіи и составило цѣль и содержаніе труда В. В. Качановскаго. На сколько удачно выполнено имъ этотъ трудъ, покажетъ критика; пока же можно съ увѣренностью сказать, что, не смотря на недочеты, отъ которыхъ не свободенъ данный трудъ, какъ и всякій другой, столь сложный и посвященный столь темному вопросу, «Исторія Сербіи» В. В. Качановскаго заслуживаетъ вниманія уже потому, что стремится объединить, собрать въ одно много лѣтъ накопившейся матеріалъ по исторіи Сербіи, разбросанный по массѣ мелкихъ журналовъ, русскихъ, славянскихъ и иноязычныхъ (ср. Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., IV, 2, стр. 1112—1119). Старосербской же исторіи и литературѣ посвященъ послѣдній печатный трудъ ученаго: «Изъ исторіи сербской литературы» (Изв. Инст., XVIII); здѣсь, останавливаясь на полемич. сочиненіяхъ противъ латинянъ и еретиковъ, обращавшихся въ сербской письменности (эти тексты здѣсь и напечатаны), авторъ мимоходомъ касается любопытнаго вопроса о вліяніи русской литературы на сербскую черезъ болгарскую; тексты даютъ кое-какія дополненія, не особенно, впрочемъ, существенныя, къ тому, что до сихъ поръ было извѣстно по трудамъ А. Н. Попова, А. С. Павлова и др. Къ той же области сербской письменности слѣдуетъ отнести, кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ историческаго характера (№ 34, 35, 37, списка трудовъ), нѣсколько изданій: апокрифич. молитвъ (№ 36, 213) отрывковъ изъ Кормчей (№ 214), текста Физиолога, впрочемъ болѣе исправно и ранѣе уже изданнаго въ Казани (№ 121 въ «Вѣстн. Слав.», X.; ср. изданіе въ Зап. Каз. У-а, 1893 г.)¹⁾. Къ области сербо-далматинской литературы XVIII в. относится и магистерская диссертация В. В. Качановскаго: «Неизданный дубровницкій

¹⁾ Въ изд. В. В. Качановскаго текстъ отнесенъ къ XIV—XV в., у А. Алексаandroва къ XVI в. (что и правильнѣе); въ изд. В. Качановскаго текстъ не донечатанъ до конца.

поэтъ А. М. Глеговичъ» ч. I, II. (Спб. 1883) и замѣтка «Дубровницкіе отголоски о Петрѣ Великомъ. Значеніе дубровницкаго писателя А. М. Глеговича» (Спб. 1881). Въ виду существующей по вопросу объ этой работѣ критики и полемики (ср. № 59, списка) подробнѣе касаться этого труда нѣтъ надобности.

Этими трудами, причисливъ къ нимъ рядъ мелочей, сообщаемыхъ попутно въ рецензіяхъ и замѣткахъ «по поводу», наполняющихъ въ значительной степени «Вѣстникъ Славянства», мы можемъ и ограничить нашъ обзоръ тѣхъ трудовъ В. В. Качановскаго, которые мы условно назвали «положительными». Конечно, въ виду сказаннаго нами о критической дѣятельности покойнаго ученаго, нашъ обзоръ былъ бы неполонъ, если бы мы не коснулись еще разъ его дѣятельности, какъ ученаго критика. Не входи въ подробности, а только пробѣгая списокъ рецензій, написанныхъ въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ въ разныхъ журналахъ, прежде всего въ «Вѣстникъ Славянства», мы выносимъ впечатлѣніе, что покойный профессоръ былъ не только разностороннимъ ученымъ, но и внимательно слѣдилъ, на сколько позволяли его положеніе и обстоятельства его службы, за ходомъ славяновѣдѣнія: въ той или другой формѣ онъ отмѣчалъ, рядомъ съ мелочами и случайными фактами, большую часть выдающихся явленій въ области русской исторіи и литературы и славяновѣдѣнія. Не мало мѣста въ этихъ замѣткахъ занималъ посильный разборъ учебной литературы, по скольку она входила въ кругъ его занятій въ качествѣ преподавателя Института: имъ отмѣчался печатно, а затѣмъ въ видѣ отзывовъ сообщался въ аудиторіи цѣлый рядъ учебниковъ по русскому, славянскому языкамъ (№№ 54, 58, 62, 68, 71, 76, 92, 94, 104, 105, 106 и т. д.). Заканчивая обзоръ научной дѣятельности В. В. Качановскаго, мы, несомнѣнно, должны признать за нимъ выдающееся мѣсто въ негустыхъ рядахъ русскихъ славистовъ, особенно принимая во вниманіе его труды по болгарскому языку, исторіи и литературѣ, въ тоже время, будучи безпристрастны въ оцѣнкѣ этой дѣятельности, должны подчеркнуть то, что имя въ наукѣ стяжалъ В. В. Качановскій главнымъ образомъ въ первую половину своей научной дѣятельности своими «положительными» трудами. Характеру же точнѣе покойнаго ученаго, мы на основаніи приведеннаго выше краткаго обзора его трудовъ, а также списка всѣхъ его работъ, должны причи-

слить его къ той группѣ ученыхъ славистовъ, которые не разграничивали, какъ это замѣчается часто теперь, областей литературы и исторія, но въ тоже время такихъ, которыхъ симпатіи лежали на сторонѣ этихъ двухъ отраслей славяновѣдѣнія, а не на сторонѣ лингвистической разработки данной науки: труды по языку въ ряду занятій покойнаго Качановскаго занимаютъ мѣсто весьма скромное и по объему, и по значенію. Такое со отношеніе между областями славистики въ трудахъ В. В.—ча понятно: онъ готовился въ слависты еще въ то время, когда въ самой славистикѣ специально-лингвистическія изученія были лишь въ зачаткахъ, а кромѣ того, онъ по своему направленію примкнулъ къ школѣ проф. В. В. Макушева, который и былъ его учителемъ. Вліяніе Макушева сказалось на Вл. В.—чѣ даже въ частности: тоже тяготѣніе къ историческимъ изученіямъ, тоже тяготѣніе къ юго-славянству, въ частности къ южному сербству, въ области литературы, тоже второстепенное значеніе, которое учитель и ученикъ придавали изученіямъ чисто лингвистическимъ, наконецъ тоже отношеніе къ сравнительному языковеденію, ограничиваемому преимущественно областью санскрита (этотъ языкъ слушалъ, по указанію Макушева, Качановскій у Коссовича въ С.-Пбскомъ у-ѣ). Эта послѣдняя черта замѣтна была особенно въ лекціяхъ покойнаго профессора.

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ и о лекціяхъ покойнаго въ Институтѣ: на сколько можно было судить о нихъ, главнымъ образомъ, на экзаменахъ, покойный, слѣдуя скромной по требованіямъ и довольно мало дающей у насъ простора ученому программѣ славяновѣдѣнія, въ лекціяхъ старался передать слушателямъ необходимое, ставя въ тѣсную связь свои работы и наблюденія, печатавшіяся имъ въ журналахъ, съ содержаніемъ лекцій и даже какъ будто подчиняя свои печатныя работы тѣмъ требованіямъ, часто практическаго характера, которыя ставила себѣ профессоръ, а ему ставила институтская программа. Ознакомленіе съ матеріаломъ данной отрасли славяновѣдѣнія, съ практическими пособиями, полезными для слушателей, будущихъ учителей, составляли основное содержаніе чтеній профессора Качановскаго.

Помяная на страницахъ изданія высшаго учебнаго заведенія одного изъ его дѣятелей, помянемъ его добрымъ словомъ за ту пользу и то добро, которыя онъ, насколько былъ въ силахъ, вносилъ въ общее дѣло высшаго нашего образованія.